

КАЖДЫЙ фестиваль имеет свое лицо. Чаще всего оно видится нам в облике милой улыбающейся девушки с цветами, радостно встречающей гостей и победителей. На нынешнем республиканском фестивале современной советской драматургии также присутствовали гости из Москвы и Риги, Ленинграда, Минска и Вильнюса. Председатель жюри назвал имена режиссеров, актеров и художников, чьи работы привлекли внимание. Само собой, были цветы и фото-корреспонденты. Но атмосфера фестиваля оказалась особой, совсем не праздничной, а рабочей.

Большинство художественных форм, раз возникнув, в своем роде бессмертно и способно обновляться в потоке времени заново. Характер того или иного периода определяет содержательность форм, те жизненно важные идеи, проблемы, вопросы, которые волнуют художника и заставляют его искать комбинацию именно таких, а не иных изобразительных средств.

Поиски театра сейчас идут вперед — через лампу о прошлом, через возврат к психологической детальной проработке образов. В идеале — сочетание безусловности жизни человеческого духа и любых форм сценической условности. Но приятно сегодня наблюдать и возвращение быта на сцену — кто-то должен показать нас самими в нашем реальном облике! Э. И. Немирович-Данченко говорил, что никогда не мог понять, как можно «любить жизнь», не любя быта, — мысль глубокая и пронзительная. Конечно, возврат к психологии и быту не должен заглушать иные тенденции — все талантливое в театре пусть находит выход к зрителю и поддержку.

Эстонский театр последних лет переживает трудности, театральные будни заполнены постановками, но всегда сохраняющими нужную профессиональную высоту. Правда, некоторые хорошие спектакли по не вполне объяснимым причинам не вошли в фестивальную афишу — творческий потенциал театров явно богаче того, что они показывали. Но, очевидно, был и свой умысел в этом, в своем роде единственном по самокритичности фестивале — увидеть, как складываются реальные будни театра.

Итак, обыденное, скромное начало сезона. Оно открыло некоторые особенности именно эстонского театрального процесса и в его положительных качествах, и в слабостях. В создании репертуара современного театра Эстонии участвует значительная группа журналистов и литераторов, сегодня 15 пьес эстонских авторов идут на сцене. Сама по себе цифра большая, очевидно, что усилила Министерства культуры ЭССР, поддерживающего мало-мальски любопытную пьесу, не пропадают зря.

Журналисты приносят в театр дыхание сегодняшнего дня, те проблемы честности, порядочности, принципиальности, которые мы обсуждаем дома, на работе, в печати. Они открывают блокноты, где собраны противоречивые картины нашего быта — все правдиво по материалу, часто остро и всерьез значительно. Спасибо им

за смелость, и пусть не забывают дорогу в театр!

Однако журналисты — редко драматурги. Чаще всего они дают фельетонную цепочку разорванных сцен, эскизы характеров или, напротив, прямолинейные типы, без драматического развития действия и отношений героев. Увы! Есть любопытный материал, но нет пьесы.

Между тем время идет, режиссер надеется что-то поправить на ходу, пора начинать репетиции, заказывать художнику оформление. Театральная машина пущена в ход — на премьере обнаруживается, что крутилась эта машина в значи-

тельно больше века длится день» очень поверхностно. Неудачная инсценировка соединилась со странным духовным холодом самого спектакля — так, будто режиссер ставил не один из замечательных романов XX века, а некую малоинтересную ему, тяп-ляп сделанную драбень. И бездумно использовал давно известные по его же спектаклям приемы — маски, карикатуры, неподвижность искаженных, искривленных фигур. Во всем равнодушие, бедность средств. И даже душевная теплота Р. Арена, который играет старика Едигея (да простят мне остальные актеры — им нечего играть!), — даже теплота Р. Арена не спасает спектакль.

Возможно, стоит обаятельно актеру Хермакула задать деликатный вопрос Хермакула-режиссеру: а не разучился

работа Олли Унгвере. Семейная история, связанная с появлением младшего брата Руубена — Свена (А. Лаанеметс), решившего за год сколотить капитал откормом скота в частном секторе, прозвучала со сцены и злободневно, и художественно значительно.

Успех «Порога» А. Дударева в театре «Угала» (режиссер В. Гвоздок) также опирается на значительность проблематики, неожиданные сюжетные повороты и отлично выписанную главную роль в пьесе белорусского драматурга. Не все в спектакле удовлетворяет в режиссерских решениях и оформлении (художник Н. Свиридик), но несомненно умение В. Гвоздкова работать с актерами. И актеры театра, которым руководит Я. Аллик, показали заметные работы — и К. Оорро (Буслай), и К. Райд (мать), и П. Юргенс (отец), и В. Луйк (Алина).

Приятное впечатление оставила и комедия Т. Калая «Обеденный перерыв» в «Студии Старого города» (режиссер Р. Баскин). На заключительной конференции драматург А. Дударев говорил о талантливости эстонского коллеги и предсказал ему успехи в будущем. Несомненно, Т. Калая обладает чувством театра и умело использует магию актерских превращений, к тому же пишет комедии — надо ли говорить, как всем нам, а отнюдь не только Калло, нужен его успех.

Думается, вот он, один из главных, вроде бы элементарных, уроков фестивалей: то, что собирается ставить режиссер, должно быть художественно, то есть содержательно и профессионально крепко. На фестивале с тревогой толковали об уникальности режиссерских дарований, о немислимой требовательности этой профессии, редчайшей среди редких. Выдержать ее трудности дается не каждому, потому что, кроме собственно театрального дарования, кроме всепроникающего артистизма, от режиссера требуется бездна других достоинств: огромная работоспособность, энциклопедические знания, пронизательность и степень воздействия на людей почти на уровне экстрасенса. И жесткости организатора, и гибкости дипломата, и собранности хозяйственника — чего только не требует от него жизнь.

Сетования на редкость режиссерских талантов были не беспочвенны, хотя, скажем, отсутствие работ М. Карусо — свидетельство того, что не всегда театры внимательны к тем кадрам, которые есть рядом.

Сейчас в эстонском театре активно трудится среднее поколение — М. Микивер, К. Комиссаров, Э. Хермакула, Я. Аллик, Р. Трасс, Р. Баскин, И. Нормет. Но подрастает ли режиссерская смена и какова она? Что она принесет с собой в театр? В каких студиях будет искать свой путь? Фестиваль не дал ответа на этот вопрос — что же, подождем, но не забудем вопросы. И не потому, что пришел крайний срок. Нет, поколению сорокалетних предстоит еще много и плодотворно работать. Но именно поэтому так важно сохранить достоинство театра и уровень высокого профессионализма, который был достигнут в минувшие годы, — иначе на чем же будет формироваться вкус молодежи? И не только театральной.

Н. КУЗЬКИНА.

Профессор Ленинградского института театра, музыки и кинематографии.

«РАБОЧИЙ» ФЕСТИВАЛЬ

тельной степени вхолостую, что над текстом надо бы еще поработать. Так произошло с пьесой «Рыцари рубля» О. Ангона — широко известного журналиста, отлично знающего село и его проблемы. Актеры театра «Ванемуйне» постарались помочь автору всем, чем можно, трио пенсионеров, разыгранное артистами, любимыми зрителем — Х. Пэзлом, Э. Кивило, Х. Эльвисте, — доставило удовольствие. Но спектакль так и остался цепочкой разрозненных, малоопытных сцен, и попытки К. Ирда изменить положение пока не дали нужных результатов.

Весьма уязвимы и инсценировки, к которым порой так влечет режиссеров. Но ведь сделать самому инсценировку трудно, это предполагает высокий профессионализм. Режиссер же часто создает нечто среднее — театральные сценарии, в котором рвутся сюжетные линии, не сочленяются человеческие судьбы, что уже предопределяет просчеты будущего спектакля. Пример тому — благородная по мысли и чувствам работа Раквереского театра. Автор инсценировки и режиссер Р. Трасс не случайно назвал спектакль несколько необычно — «Торжественный вечер в двух частях о полуострове Сырье и его жителях по мотивам романа Ю. Туулика «В военное лихолетье». Спектакль состоит из двух частей, которые не связались органично: первая — подготовительная репетиция к спектаклю с широким использованием шуточных песен. Вторая — как бы сам спектакль, доверительный рассказ актеров о том, что происходило с их героями осенью 1944 года, когда фашисты вывели десятки тысяч людей с островов в Германию. Вторая часть хороша, поэтична, работа молодых актеров под руководством Р. Трасса вселяет надежду, но, может быть, не следует режиссеру становиться и драматургом.

Крайним примером творческой неудачи оказалась работа Э. Хермакула в театре им. В. Кингисеппа. Он инсценировал роман Ч. Айтматова «И

ли он быть на сцене собственным режиссером? Для себя-актера он может сочинять свободные композиции текста, но значительная труппа театра имени В. Кингисеппа должна в его спектаклях играть в полную меру своих возможностей.

И, конечно, режиссеру опасно воевать с пьесой, как это показал торжкий опыт Н. Шейко в постановке Русского театра ЭССР по Ю. Макарову «Не был. Не состоял. Не участвовал». Театр изменил жанр, вместо слабой психологической драмы на производственную тему предложил зрителю как бы пародию на эту же пьесу, в балаганном окружении потускнел и хороший артист А. Шевцов (Незаев).

Немногочисленные успехи фестивалей оказались связанными со спектаклями, поставленными по пьесам, с которыми режиссеры не воевали — они изначально были с ними согласны. И вдруг оказалось, что это так важно!

Автор драмы из сельской жизни «Черного кота ночью не заметишь» (Пярнуский драмтеатр им. А. Койдула) — гоже журналист, широко известный радиослушателям. О. Кооль. Это его третья пьеса, предыдущие также игрались в Пярну. Ни у кого не возникло сомнения, что показана профессионально крепкая пьеса и автору не требуется скидки на журналистскую беспомощность. Режиссер И. Нормет точно ощутил дух пьесы, резко направленной против стяжательства, поисков легкой жизни и быстрых больших денег. Режиссер так же верно, точно ощутил эстетическую психологическую драмы и показал очень ровный, крепкий спектакль, основанный на сложных отношениях героев. Он разумно выдвинул в центр спектакля фигуру главного героя Руубена (А. Халлик) — тракториста-гуженика, человека безупречной порядочности и преданности делу. В едином стилистическом ключе оказались сыгранными и роли жены Руубена Мари (А. Тедре) и Рууди (Я. Хейн), и образ учительницы из дома престарелых Таали — великолепная